

П. М. Нерлер

«ПУБЛИКАЦИЯ ЧУДЕСНАЯ...»

(к истории публикации
«Воронежских стихов» О. Мандельштама
в журнале «Подъем» в 1965—1966 году)

Летом 1961 года Александр Иосифович Немировский (далее А. И.) возвращался из Москвы, где находился в академическом отпуске для написания докторской диссертации, в Воронеж. У него было нижнее место, которое он с джентльменским удовольствием уступил незнакомой прихрамывавшей попутчице. Собственно, спать они и не ложились, поскольку проговорили всю ночь — о стихах. Попутчица, — а ею оказалась Наталья Евгеньевна Штемпель (далее Н. Е.), — приоткрыла ему, древнику и, в некотором роде, начинающему поэту, целый новый мир — мир поэзии позднего Мандельштама (далее О. М.).

На прощание она любезно пригласила А. И. к себе в гости. Когда он чуть ли не назавтра пришел, то не застал ее и кинул в почтовый ящик следующую открытку¹:

*Глубокоуважаемая Наталья Евгеньевна!
Приходил с Леонидом Пастернаком. Как-нибудь загляну еще. А лучше всего, если вам не трудно, бросьте открытку, когда вас лучше застать.
Мой адрес: Воронеж, Фр. Энгельса, 8, кв. 59.
Немировский.
Ваш попутчик.*

Вторая встреча вскоре состоялась, и отношения между попутчиками со временем переросли в настоящую дружбу людей, связанных землячеством, общими интересами и, главное, общей любовью — к русской поэзии.

Через Н. Е. Немировский познакомился и с Надеждой Яковлевной Мандельштам (далее Н. Я.), причем произошло это в октябре 1963 года в Пскове. С той поры и по 1974 год включительно его имя «прописалось» в неутихающей переписке Н. Е. и Н. Я., что заметно даже и в отсутствие писем Н. Е. к Н. Я. Последняя постоянно интересовалась не только хлопотами Немировского, университетского профессора и человека с определенным положением, о Мандельштаме, но и им самим, его историческими публикациями и даже теми трудными семейными обстоятельствами и испытаниями, которые выпали на его долю. Письма Н. Я. позволяют во многом реконструировать последовательность событий по ходу упомянутых «хлопот».

Первым, как ни странно, возник вопрос об издании в Воронеже книги О. М. Сама идея, судя по всему, первой пришла в голову Н. Е. В письме от 7 октября 1964 года Н. Я. спрашивала у нее:

*Теперь: пришел Оттен². Он умный. Я его ждала.
Нужно ли им собрать сборник? Если нужно, мы его составим. Но нужно знать, сколько они могут дать бумаги, т. е. строчек. Я бы издала маленькую книжку. 2) Какое им нужно предисловие: а) от редакции — может написать Оттен (без подписи) [или] б) подписное. [Если подписное, то] 1) авторитетное [или] 2) обыкновенное (тоже может Оттен). Если «авторитетное» — он поищет, кого взять за бока. Главное, пусть обдумают, какую книгу и сколько строк... Это зависит от бумаги — что они могут дать и какой тираж. Хочет ли Немировский³ участвовать в этом издании (составителем, предисловием)? Напишите»⁴.*

¹ Оригинал — до недавнего времени в архиве автора. В настоящее время материалы, подаренные Н. Е. Штемпель П. М. Нерлеру, переданы им в РГАЛИ для пополнения будущего отдельного фонда Н. Е. Штемпель в этом архиве.

² Оттен (Поташинский) Николай Давидович (1907—1983) — писатель и кинодраматург, близкий знакомый Н. Я. Мандельштам по Тарусе, один из инициаторов сборника «Тарусские страницы» (1961).

³ Так, чисто фонетически, Н. Я. воспринимала его фамилию.

⁴ Н. Мандельштам. Об Ахматовой. М., 2007. С. 361.

Вскоре после этого письма Н. Е. переговорила с Немировским. Тот, разумеется, согласился, и Н. Е. получила в его лице активного помощника и участника всего этого «прожекта».

В начале июня 1965 года Н. Я. осведомилась у Н. Е.: «Как у вас? Сняли уже с плана? Ну их к...»⁵. Реплика эта означает, что на протяжении по меньшей мере полугода Н. Е. и А. И. интенсивно занимались продвижением «прожекта» и даже добились того, что в Воронежском областном издательстве обсуждался вопрос о включении или не-включении сборника стихов в перспективный, если не в оперативный план.

Об этих хлопотах сообщал и сам А. И. Чтобы повысить шансы на успех, он искал союзников, в том числе и на самом верху области — в обкоме ЦК КПСС. Будучи членом партии, он обратился за поддержкой и содействием к секретарю Воронежского обкома КПСС по пропаганде Вячеславу Павловичу Усачеву⁶. Тот, видимо, и принял (где-то в июне 1965 года) следующее «соломоново решение»: книгу — нет, но подборку воронежских стихотворений Мандельштама в воронежском журнале «Подъем» опубликовать можно. В том самом «Подъеме», где в 1935 году увидели свет пять рецензий О. М. — последние его прижизненные публикации!

20 июля 1965 года Н. Я. писала из Вереи в Псков Софье Менделеевне Глускиной: «В Ворон. изд-ве сняли “Ворон. Тетради!” (их там хотели издать), потому что издает Ленинград»⁷.

Еще больше были огорчены такую чиновничью «мудростью» Штемпель и Немировский. Н. Я. даже утешала их: «Наташенька! Не огорчайтесь и скажите Шуру, что огорчаться не надо. Если бы вышло с журналом, я бы была рада. <...> Ося не пропадет... Жаль было бы Шуриной статьи — она очень хороша»⁸.

Сама Н. Я. и впрямь не слишком огорчалась этой замене — ее эмоцией была скорее досада: уж больно хотелось ей утереть нос «Библиотеке поэта»! Она даже не могла запомнить название журнала и, хотя и бывала в нем много раз вместе с самим Мандельштамом в 1934—1935 гг., все же время от времени машинально называла журнал вместо «Подъема» «Прибоем».

Тем не менее «мандельштамовский» январский номер за 1966 года вышел, кажется, с некоторым опозданием — по крайней мере Н. Я. получила свой первый экземпляр только в середине марта (видимо, по возвращении из Ленинграда, где она хоронила Ахматову). Именно тогда она написала Наталье Евгеньевне: «Публикация чудесная. Опечатки есть. Пришлите мне 30 экземпляров. Крепко вас целую и благодарю и вас и Шуру»⁹. А вот из письма от 26 марта: «Подборка стихов отличная. И статья вполне хороша. Спасибо скажите Шуру»¹⁰.

Кем Н. Я. была сильно недовольна, так это журналом, не торопившимся с выплатой ее гонорара. Главным редактором «Подъема» в это время был Федор Сергеевич Волохов (1912—1990) — прозаик, драматург и публицист. Выпускник агрономического факультета ВСХИ, он переквалифицировался в литераторы еще в то время, когда Мандельштам был в Воронеже. Первые публикации вышли в 1936 году, а уже с 1940 года Волохов — секретарь редколлегии альманаха «Литературный Воронеж», а с 1948 года — заведующий отделом литературы и искусства в газете «Коммуна». За штурвал «Подъема» Волохов встал в декабре 1959 и не выпускал его из рук почти 15 лет (до 1973 года). Едва ли Мандельштам как поэт был близок ему лично,

⁵ Н. Мандельштам. Об Ахматовой. М., 2007. С. 366.

⁶ В. П. Усачев (р. 1923) начинал свою партийную карьеру еще при Сталине: с 1950 г. он лектор Воронежского обкома КПСС, г. Воронеж; затем, в 1950—1951 гг. — заведующий сектором агитационно-массовой работы, в 1951—1954 — заместитель заведующего и в 1954—1960 гг. — заведующий отделом пропаганды и агитации, в 1960—1963 — секретарь Воронежского обкома, в 1963—1964 гг. — секретарь-заведующий идеологическим отделом Воронежского промышленного обкома и в 1964—1969 гг. — снова секретарь Воронежского обкома КПСС (ГАОПИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 347 об.; Д. 311. Л. 56 об.; Д. 314. Л. 242.; Оп. 58. Д. 1863).

⁷ Архив Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме, СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1.

⁸ Н. Мандельштам. Об Ахматовой. М., 2007. С. 367.

⁹ Н. Мандельштам. Об Ахматовой. М., 2007. С. 376.

¹⁰ Н. Мандельштам. Об Ахматовой. М., 2007. С. 377.

но он не только не стал противиться публикации, но и сделал все, что от него лично зависело, чтобы публикация вышла в срок.

Хотя публикация и была поэтической, но ей предшествовала вступительная заметка, поэтому шла она по двум отделам сразу — отделу поэзии и отделу критики, которыми заведовали В. Г. Гордейчев и З. Я. Анчиполовский. И, надо сказать, что в самом журнале публикация прошла все необходимые стадии относительно быстро (не исключено, что и благодаря «соломонову решению» обкома¹¹).

В архиве сохранились редакционные материалы «Подъема», связанные с прохождением в 1965—1966 гг. и публикацией мандельштамовской подборки¹². Свою первую (недатированную) резолюцию главный редактор журнала поставил на машинописи первоначальной статьи А. И. предположительно еще в мае 1965 года: «*Статья и все стихи в № 1 за 1966 год*»¹³. Вторую — на машинописи стихотворения «Если б меня наши враги взяли...»: «*“Подъем”. В набор. Ф. Волохов. 16.6.65 г. Из старых стихов дать “Шегла” и где говорится об “Анне” и пр.*»¹⁴. Июнем датирована и отдельная резолюция на вступительной статье: «*“Подъем”. № 4. В набор. Ф. Волохов. <нрзб.>. 6.65 г.*»¹⁵. Наконец, хронологически последняя редакционная дата фиксирует время засылки публикации в типографию — декабрь 1965 года: «*См. № 1. В набор. Ф. Волохов. <нрзб.>. 12.65 г.*»¹⁶.

Как состав публикации, так и текст предисловия несколько раз менялись. В конце концов благодарный читатель получил подборку из следующих 10 стихотворений: «На меня нацелились груша да черемуха...», «Я скажу это начерно, шепотом...», «Не у меня, не у тебя — у них...», «Твоим узким плечам под бичами краснеть...», «От сырой простыни говорящая...», «Скрипачка» («За Паганини длиннопалым...»), «Возможна ли женщине мертвой хвала...», «На доске малиновой, червонной...», «Я к губам подношу эту зелень...» и «Как светотени мученик Рембрандт...». Вся подборка называлась «Из “Воронежских тетрадей”» и открывалась предисловием Немировского. Он же фигурировал в качестве публикатора¹⁷.

Судя по редакционным материалам, состав намечавшейся публикации выглядел первоначально иначе¹⁸. В нее входило 24 стихотворения Мандельштама: «Средь народного шума и спеха...», «Да, я лежу губами шевеля...», «Я нынче в паутине световой...», «Это какая улица?...», «Я около Кольцова...», «Стансы» («Я не хочу среди юношей тепличных...»), «Не сравнивай. Живущий несравним...», «От сырой простыни говорящая...», «Скрипачка» («За Паганини длиннопалым...»), «Возможна ли женщине мертвой хвала...», «На меня нацелились груша да черемуха...», «Твоим узким плечам под бичами краснеть...», «Улыбнись, ягненок гневный...», «Еще не умер ты, еще ты не один», «Разрывы круглых бухт и хрящ и синева», «Куда мне деться в этом январе?...», «Мой шегол, я голову закину...», «Вехи дальнего обоза...», «Эта область в темноводье...», «Как подарок запоздалый...», «Вооруженный зреньем узких ос...», «Чернозем» (Переуважена, перечерна, вся в холе...). На полях разного рода пометы, в основном о том, что стихотворение еще не было в печати; отмечены и публикации в «Просторе» («Разрывы круглых бухт и хрящ и синева», «Вооруженный зреньем узких ос...», «Чернозем») или «Москве» («Мой шегол, я голову закину...», «Вехи дальнего обоза...», «Эта область в темноводье...», «Как подарок запоздалый...»).

Реконструкции вполне поддаются и сам ход и характер работы Немировского и редакции над предисловием. В частности, сохранились, во-первых, первоначальный 12-страничный вариант статьи под названием «Возвращенные стихи»¹⁹, во-вторых, — ее немного сокращенный

¹¹ Правда, Усачеву приписывают и такую примерно фразу: «*Нас не поймут, если мы опубликуем все эти адреса. Мандельштам не Пушкин.*»

¹² ГАВО. Ф.Р-181. Оп. 1. Д. 195. Л. 1—76. Подлинные авторские рукописи журнала «Подъем» № 1 за 1966 год. Том II.

¹³ ГАВО. Ф.Р-181. Оп. 1. Д. 195. Л. 1.

¹⁴ ГАВО. Ф.Р-181. Оп. 1. Д. 195. Л. 52. Анна здесь это упоминаемый О.М. городок в Воронежской области («Анна, Россошь и Гремячье»).

¹⁵ ГАВО. Ф.Р-181. Оп. 1. Д. 195. Л. 39. Точная дата резолюции из-за особенностей переплета архивного дела прочтению не поддавалась, но вероятней всего это все то же 16-е число. Указание на № 4 журнала — скорее всего описка.

¹⁶ ГАВО. Ф.Р-181. Оп. 1. Д. 195. Л. 62. Та же дата и на л. 77.

¹⁷ Подъем. 1966. № 1. С. 93—96.

¹⁸ ГАВО. Оп. 1. Д. 195. Л. 13—38.

¹⁹ ГАВО. Ф.Р-181. Оп. 1. Д. 195. Л. 1—12.

11-страничный вариант под названием «Осип Манделъштам в Воронеже» и со следами дальнейшей правки²⁰, и, в-третьих, — гранки статьи²¹.

На каком-то раннем (и никак не отразившемся в архиве) этапе у Немировского в статье фигурировал, по-видимому, Шкловский, из-за чего Н. Я. написала Н. Е.: «Рада статье, но только Шкловский никогда не писал О. М. ...Было только одно идиотское письмо уже в Саматиху: упрекал, что О. М., как солдат, бережет свою единственную ногу. Стоит ли? О. М. был в отчаянии — единственный человек в литературе — и получайте...»²².

Ниже мы воспроизводим статью Немировского в контаминированном виде, вобравшем в себя как ее первоначальную, так и окончательную версии. Курсивом выделен текст первого варианта статьи, не попавший в окончательную публикацию; простым кеглем даны дополнения, отсутствовавшие в первом варианте, но вошедшие в публикацию, а полужирным шрифтом — текст первого варианта, оставленный в публикации. Таким образом, текст опубликованного предисловия дан прямым (простым и полужирным) шрифтом. Мелкие разночтения не отмечаются.

ИЗ «ВОРОНЕЖСКИХ ТЕТРАДЕЙ»

Мы предлагаем читателям не публиковавшиеся ранее стихи Манделъштама, относящиеся к большому циклу «Воронежские тетради». Стихи эти связаны с Воронежем биографически: в Воронеже поэт провел три года.

Воронежский период творчества Осипа Манделъштама был очень плодотворен. Здесь написано более сотни стихотворений, из которых читающей публике пока известны лишь немногие (публикации в журналах «Москва» и «Простор»).

ВОЗВРАЩЕННЫЕ СТИХИ

В последнее время на страницах книг и журналов появилось выражение «возвращенные имена». В применении к Осипу Манделъштаму оно будет не совсем точным, так как это имя настолько тесно связано с русской поэзией, что его никогда не забывали. Речь может идти лишь о возвращенных стихах.

Надо заметить, что процесс возвращения стихов Манделъштама читателю очень затянулся, хотя советский суд давно уже возвратил поэту его честное имя и признал его жертвой беззаконий времени господства культа личности. В своих неопубликованных стихах Манделъштам связан с Воронежем, где он провел три года между двумя арестами и заключениями. Мы надеемся, что для тех, кто знаком с творчеством Манделъштама, встреча со стихами «Воронежских тетрадей» будет радостной и во многом неожиданной. Воронежский Манделъштам — это поэт иного звучания и силы, чем петербургский и московский. Воронежский период, по нашему убеждению, — время наивысшего расцвета поэтического дарования Осипа Манделъштама.

Воронеж середины 30-х годов является не только крупным промышленным, но и культурным центром. В Воронежском университете большие научные силы, ученые с мировым именем. В прекрасной университетской фундаментальной библиотеке хранились такие редкие книги, которых нельзя было достать даже в Ленинграде и Москве. В Воронеже было два сильных драматических театра. Там начинали свою артистическую деятельность молодые Рошина и Попов. Выступали такие превосходные актеры, как Васильев, Поляков, Шкурский, Фирринский, Викторов и др. Воронеж славился симфоническим оркестром, недавно отпраздновавшим свое сорокалетие. Билеты на его концерты надо было покупать за несколько дней. Часто приезжали известные всей стране музыканты и певцы. Не раз заезжал в Воронеж и замечательный чтец Владимир Николаевич Яхонтов со своими композициями «Поэты путешествуют» (Пушкин и Маяковский), «Чиновники» (Пушкин, Гоголь, Достоевский). Зал был переполнен. Воронежцы встречали Яхонтова восторженно. Забегая вперед, скажу, что Яхонтов и Манделъштам были большими друзьями. Яхонтов, как чтец, считал Манделъштама своим учителем.

Сначала Манделъштам вместе с женой снимал комнату в пятиэтажном доме на углу улиц Фр. Энгельса и Чайковского. Я сообщаю точные адреса домов, где жил Осип Эмильевич, так

²⁰ ГАВО. Ф.Р-181. Оп. 1. Д. 195. Л. 39—49.

²¹ ГАВО. Ф.Р-181. Оп. 1. Д. 195. Л. 55—58 (с редакторской правкой и авторскими вставками). Копия имеется также в РГАЛИ, в фонде А. И. Немировского (Ф. 3201. Не обработан).

²² Н. Манделъштам. Об Ахматовой. М., 2007. С. 369.

как мне известно, что из разных городов нашей страны люди приезжают в Воронеж только для того, чтобы увидеть мандельштамовские места. В комнате на Фридриха Энгельса было две железных койки, книжный шкаф и обеденный стол. Все личные вещи вмещались в два чемодана, так что отсутствие шифоньера не чувствовалось. Вообще, Осип Эмильевич был совершенно равнодушен ко всем удобствам и мог прийти в ярость, когда кто-либо из его знакомых жаловался на отсутствие условий для работы и творчества. «Это чепуха!» — кричал он, бегая по комнате. — Если есть, что сказать, скажите! Еще лучше напишите! Отберете самое главное!» По свидетельству воронежцев, Мандельштам слагал стихи на слух, бродя по комнате с папиросой в зубах, весь обсыпанный пеплом, или сидя с поджатыми ногами на койке, облокотившись рукой о ее спинку и запрокинув назад голову. В эти мгновения он был похож на шегла, которому посвящен цикл воронежских стихов. «Это мачеха Кольцова, шутишь, родина шегла!» — говорил он о воронежской земле.

Готовые стихи Осип Эмильевич обычно диктовал жене. Он говорил: «Стихи, записанные Надей, равноценны моей рукописи!». Под каждым стихотворением Осип Эмильевич пунктуально ставил букву «В» (Воронеж) и полную дату. Воронежский период творчества Осипа Мандельштама был очень плодотворен. Здесь написано более сотни стихотворений, из которых читающей публике пока известны лишь немногие (публикации в журнале «Москва» и «Простор»).

Из дома на ул. Фр. Энгельса Мандельштамы перебрались в одноэтажный каменный домик в тупике на ул. 27 февраля. Конечно, здесь не было никаких удобств. Окна от земли поднимались не более, чем на полметра. Всего этого Осип Эмильевич не замечал.

В стихотворении, публикуемом в подборке, Мандельштам шутивно говорит о том, что улица, или «вернее яма», где он жил, более всего достойна носить его имя, так как соответствует его характеру (и, добавим мы, судьбе).

Мандельштам был ко всему восприимчив и не мог, в силу своей природы, равнодушно проходить мимо многого, что непосредственно его не касалось. В 1937 году в помещении университетской библиотеки была организована выставка к столетию со дня гибели Пушкина. Посетив эту выставку, Осип Эмильевич обратил внимание, что в лермонтовском стихотворении «На смерть поэта» опущена строфа, начинающаяся словами: «Но есть и божий суд, наперсники разврата». Видимо, упоминание о боге, по мнению организаторов выставки, могло оказать пагубное влияние на посетителей. «Свободное» обращение с поэтом вызвало у Осипа Эмильевича взрыв ярости. Подлинный текст лермонтовского стихотворения был восстановлен.

В памяти людей, знавших Осипа Эмильевича в те годы, он сохранился прямым, скорее, с выправкой офицера, чем интеллигента (воронежские мальчишки при виде Мандельштама говорили: «Генерал идет!»), с гордо закинутой головой, с быстрыми движениями, с нервным профилем. Он не был угрюмым человеком. Ему были свойственны озорство и шутка. Он мог иронизировать даже над своим положением ссыльного: «Возле города Кольцова я, как сокол, закольцован». К воронежскому периоду относится много шутивных эпиграмм Осипа Мандельштама.

Мандельштам был ко всему восприимчив и не мог в силу своей природы равнодушно проходить мимо многого, что непосредственно его не касалось. Очевидно, эта черта его характера была для него источником многих неприятностей. Вспоминают такой случай. В 1937 году в помещении университетской библиотеки была организована выставка к столетию со дня гибели Пушкина. Посетив эту выставку, Осип Эмильевич, обратил внимание, что в лермонтовском стихотворении «На смерть поэта» опущена строфа: «Но есть, есть божий суд наперсники разврата». Видимо, упоминание о боге, по мнению организаторов выставки, могло оказать пагубное влияние на посетителей. «Свободное» обращение с поэтом вызвало у Осипа Эмильевича взрыв ярости. Совершенно забыв о своем положении ссыльного, он дал волю гневу. Подлинный текст лермонтовского стихотворения был восстановлен.

События в Испании, борьба испанского народа, поддержанного прогрессивными людьми всего мира, против фашизма произвела на Осипа Эмильевича колоссальное впечатление. В те годы он жил Испанией и даже начал изучать испанский язык, что было выражением сочувствия и симпатии к борющемуся народу. Но мучительнее всего было то, что он не мог ничем помочь Испании, и даже его антифашистские стихи в то время не могли быть опубликованы.

Мандельштам любил Воронеж, острым взглядом художника он подглядел его черты и запечатлел их в стихах. Стоя на горе, что над улицей Степана Разина, он любовался крутоярами, — занесенными снегом и запряженными, как в сбрую, огнями домиков. И на другой день он уже читал стихи о воронежских пейзажах, которые сравнивал с картинами фламандцев. Ему нравились заречные дали; открывавшиеся с площадки, на которой стоял его домик. Вбирая

полной грудью воздух, он писал — «равнины дышащее чудо». Во время прогулки по еще прозрачному парку культуры родились строки: «Я к губам подношу эту зелень, эту клейкую клятву листов, эту клятвопреступную землю, мать подснежников, кленов, дубков». Ранней весной, гуляя в районе Березовой роши, где тогда тянулись опытные поля СХИ, он написал «Чернозем».

Любил он и воронежских поэтов — Кольцова и Никитина, восторгался пейзажами никитинских стихов. Он часто посещал воронежский музей изобразительных искусств и подолгу стоял перед картинами Дюрера и Рембрандта. Вообще, Мандельштам хорошо знал западноевропейское искусство, о чем свидетельствует его поэзия. Не только в ранних стихах Мандельштама, но и в творчестве воронежского периода мы находим великолепные строки о Рафаэле, Рембрандте. Из русских художников Осип Эмильевич высоко ставил Андрея Рублева, посещая Третьяковскую галерею чаще всего из-за его картин.

Осип Эмильевич владел итальянским, французским, немецким языками. Из итальянских поэтов ему были ближе всего Данте и Петрарка. В неопубликованном наследии поэта сохранился «Разговор о Данте», которому сам Осип Эмильевич придавал огромное значение. Не случайно в лагерном фольклоре Осип Эмильевич представлен как чтец Петрарки:

Открыли вам в Москве музей подарков,
Лауреаты пишут песни вам,
А нам читает у костра Петрарку
Фартовый парень — Оська Мандельштам.

В Воронеже было немало людей, знавших Мандельштама. Но не каждый из них решался подойти к поэту и пожать ему руку. Это могло быть воспринято как демонстрация сочувствия к ссыльному. И уж совсем немного было тех, кто осмеливался пройти с ним по городу и зазвать к себе домой, пригласить к обеду. Осип Эмильевич, конечно, нуждался и в обеде. У него часто не было и рубля на столовую. Но больше всего ему недоставало читателей.

Время учило осмотрительности и осторожности. Иногда пропадали люди и без вины. А тут контакт со ссыльным, опальным. Доцент Бернадинер, с которым хотел познакомиться Мандельштам, не захотел с ним встретиться. Когда его спросили: «Бойтесь?», он честно ответил: «Бойсь!». Но все же Осип Эмильевич не был в абсолютном вакууме. Он заходил к профессору пединститута Павлу Леонидовичу Загоровскому, человеку огромной культуры и эрудиции. Встречаясь, Загоровский и Мандельштам говорили о стихах, на философские, психологические темы. Иногда, страшно смущаясь, Павел Леонидович совал Мандельштаму деньги. С деньгами было вообще туго. О том, чтобы напечататься, не могло быть и речи. Воронежская писательская организация в статье, опубликованной в «Коммуне», мягко сказать, отмежевалась от «чуждого элемента», О. Э. Мандельштама. Путь к печатанию в Воронеже был для Осипа Эмильевича отрезан. А другой профессии, кроме профессии поэта, у Мандельштама не было и не могло быть.

Деньги, как и удобства, не имели для Осипа Эмильевича значения. Он умел тратить деньги с легкостью и беззаботностью ребенка. Вспоминают такой эпизод. Осип Эмильевич шел с женой по проспекту Революции. Навстречу им попала какая-то женщина, несшая продавать огромную охапку лиловых ирисов. «Надюша, купи!» — попросил Осип Эмильевич. Надежда Яковлевна взяла несколько цветков. Осип Эмильевич страшно огорчился. «Все!» — сказал он. «Но у нас же нет денег, Ося!» — возразила Надежда Яковлевна «Все или не надо совсем!» — настаивал Осип Эмильевич. В дни, когда не было денег на хлеб, относили книги в букинистический магазин на проспекте, под кино «Пролетарий», где сейчас булочная. Магазином заведовал Яков Андреевич, уже немолодой человек, прекрасный знаток книги. Он когда-то работал у Сытина. Лишаться книг было для Осипа Эмильевича настоящим мучением. И когда откуда-нибудь появлялись деньги, Мандельштам шел к Якову Андреевичу выручать «старых друзей». Книги, как ни странно, оказывались непроданными и возвращались к владельцу. Осип Эмильевич, сияя, нес их под мышкой. Это была одна из немногих радостей воронежской жизни.

Изредка в Воронеж к Осипу Эмильевичу приезжали друзья. Первой из них была Анна Андреевна Ахматова. С ней Осип Эмильевич был знаком с Петербурга, когда они оба были еще молоды. Мандельштам и Ахматова сидели в Петровском сквере, у довоенного памятника Петру I. Впечатления о городе Анна Андреевна выразила в стихотворении «Воронеж».

Осип Эмильевич живо возбуждал интерес простых людей, с которыми его сталкивала жизнь — хозяев и хозяек, у которых он снимал комнаты соседей. Рядом с Мандельштамами жил молодой парень, пекарь, по имени Трофим. Узнав, что Мандельштам — поэт, Троша решил во что бы то ни стало «заиметь» книгу с автографом Осипа Эмильевича. Но вот беда — не

только в магазинах, но даже и в городских библиотеках не было ни одной книги Мандельштама. Как-то Троша получил путевку в дом отдыха имени Горького. И в библиотеке дома отдыха оказался наиболее полный сборник стихотворений Осипа Мандельштама 1928 г. издания. Не долго думая, Троша похитил библиотечную книгу и передал ее Мандельштаму для получения автографа. Осип Эмильевич был озадачен. Ему никогда не приходилось подписывать краденых книг. Тем временем Трошу, как ударника, направили налаживать производство хлеба в одном из районов области. И Осип Эмильевич решил подарить книгу Наташе. В ход была пушена резинка хозяйского мальчика Вади. А потом появилась шутливая надпись:

*Эта книга украдена Трошею в СХИ.
И резинкою вадиной для Наташи она омоложена...*

У Осипа Эмильевича было много друзей. И вспоминал он о них с большой теплотой. Часами он мог говорить о Марине Цветаевой. Мандельштам и Цветаева были не только друзьями, но и поэтами, близкими по силе и страстности. Трагическими оказались и их судьбы. Он вспоминал и коктейльские встречи, Максимилиана Волошина, который вырвал его из врангелевской контрразведки, Илью Эренбурга и других. А иногда он читал стихи о Коктебеле:

*Есть что-то от древней Эллады
В тебе, коктейльская синь.
Трещат неумолчно цикады.
Горячая пахнет полынь...*

Часто Осипа Эмильевича можно было видеть в гостеприимной семье учительницы начальной школы Марии Ивановны Штемпель. Дочь Марии Ивановны Наташа недавно окончила университет и преподавала литературу в техникуме. Наташа любила стихи и, узнав, что в Воронеже живет автор «Камня», решила с ним познакомиться. Первое знакомство закончилось тем, что Наташа ушла в слезах. Мандельштам накричал на нее, когда девушка на его просьбу прочитать какое-нибудь его стихотворение прочла: «Я потеряла нежную камею». «Это самое плохое стихотворение!», — кричал Осип Эмильевич. Но потом, в поисках слушателя, он приходил к проходной техникума, где работала Наташа, вызывал ее, чтобы прочитать только что написанное стихотворение. Стихи О. Мандельштама воронежского периода сохранились в списках Н. Е. Штемпель. В значительной степени по ее воспоминаниям мы восстанавливаем жизнь О. Э. Мандельштама в Воронеже.

Стихи говорят сами о себе. В коротком предисловии невозможно дать глубокий анализ произведений такого сложного поэта, каким был Осип Мандельштам. Стихи его говорят сами за себя. Мне кажется, воронежцы оценят, насколько хорошо средствами современной поэзии Мандельштам передал красоту и своеобразие Черноземья.

В то время, когда писались легковесные вирши, в которых дорогое русскому уху слово «земля» превратилось в поэтический штамп, поэт увидел чернозем во всей его былинной первозданности и животворящей, титанической, но не хвастливой силе:

**В дни ранней пахоты черна до синевы
И безоружная в ней зиждется работа, —
Тысячелетия распаханной молвы, —
Знать, безокружное в окружности есть что-то.
Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь молчит в апрельском провороте!
Ну здравствуй, чернозем. Будь мужествен, глазаст, —
Черноречивое молчание в работе.**

Обращение поэта, начавшего свой путь с апофеоза каменных громад города, к земле, — факт сам по себе достойный внимания. В своем предисловии к подборке стихов О. Э. Мандельштама, напечатанной в журнале «Простор», Илья Эренбург концентрирует внимание на небольшом стихотворении, опубликованном в сборнике «Триптих»:

**Уничтожает пламень
Сухую жизнь мою,
И ныне я не камень,
А дерево пою.
Оно легко и грубо, —**

Из одного куска
И сердцевина Дуба,
И весла рыбака.
Вбивайте крепче сваи.
Стучите, молотки,
О деревянном рае,
Где вещи так легки.

По мнению Ильи Эренбурга, поэтизирование дерева — переход к новому этапу в творчестве автора «Камня». Но мир, или «рай», цитированного выше стихотворения не древесный, а деревянный и дерево не растение, уходящее своими корнями в почву, пахнувшее клейкой зеленью листьев, а такой же материал труда и искусства, как камень. Только в Воронеже поэт обращается к источнику жизни и красоты — земле. Воронежский чернозем стал для поэта символом близости к народу и его судьбам. Чернозем дал Осипу Мандельштаму силы и оружие в борьбе за высокие идеалы человечности:

И в голосе моем после удушья
Звучит земля — последнее оружие —
Сухая влажность черноземных га...

Среди воронежских стихов мы находим удивительные по глубине и законченности «Стансы». Эта форма, классическая в интимной лирике, наполнена высоким гражданственным, патриотическим содержанием, заставляющим отвергнуть плоское и неправильное мнение, что Мандельштам был поэтом, далеким от современности. Мандельштам со свойственной ему горячностью вступает в полемику с теми, кто видел в его поэзии надломленность, и объясняет необычность своего поэтического огромностью и размахом эпохи, ее напряженностью, требующей адекватного выражения:

И не ограблен я и не надломлен,
Но только что всего переогромлен,
Как «Слово о Полку», струна моя туга...

Стихи О. Мандельштама — ровесники эпохи первых пятилеток. Время стучалось в его поэзию рокотом советских самолетов, взрезающих туманное небо Арктики, гулом первых подземных поездов московского метро, гудками паровозов, снующих между Отрожкой и Придачей, звоном кремлевских курантов, сжимающим пространство между Москвой и Воронежем до точки. Читатель найдет в них много интересного и поучительного. Пора подумать о том, чтобы издать «Воронежские тетради» не выборочно, а полностью.

Мандельштам, как мастер, не боится сюжетов и тем, разрабатываемых до него другими. Зрение большого поэта всегда своеобразно. А если говорить о зрении Мандельштама, то оно очень масштабно. Поэт видит и мельчайшие детали и в то же самое время воспринимает предмет или явление в крупном плане. Юрия Олешу в книге «Ни дня без строчки» поразила мандельштамовский образ: «Пронесла пехота молчаливо восклицанья ружей на плечах». Восклицанье заменяет в этом образе штык, но в этой замене есть уже отношение поэта к миру. Не так уж молчалива пехота! В «Воронежских тетрадях» имеется стихотворение о «Красной площади». «Красная площадь» не просто символический центр земли. Поэт увидел ее округлость, расширяющую неизмеримо кругозор.

Через всю поэзию Мандельштама проходит образ Рима как воплощения вечности искусства. В ранний акмеистский период творчества даже природа воспринимается в свете римской символики:

Природа тот же Рим и отразилась в нем.
Мы видим образы его гражданской моши
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом,
На форуме полей и в колоннаде роши.

Интересно для понимания изменений в идейно-художественной направленности творчества Мандельштама восприятие поэтом Рима в воронежских стихах. О. Мандельштам видит не только средневековый Рим с мостом у храма Ангела, не Рим Микельанджело, а Рим, прошлое которого осквернено чернорубашечниками, «злыми шенками мертвых цезарей». Это стихотворение, наряду с другими воронежскими стихами, — свидетельство гражданской зрелости

А. И. Немировский и Н. Е. Штемпель (второй и третья справа) в компании друзей

поэта, не только его отхода от поэтической практики символизма, характерного для стихов «Камня», но и пересмотра идейных основ как символизма, так и акмеизма.

О. Мандельштам в ранний период своего творчества противопоставил текучести словесных символов Бальмонта и Вяч. Иванова точность и тяжесть слова, вернув поэзии вес. Но конкретность стихов О. Мандельштама была не конкретностью жизни, а конкретностью мира искусства. Теперь же, в воронежский период, в поэзию вошла жизнь с гулом подземных поездов московского метро, гудками паровозов, спящих между Отрожкой и Придачей, звоном далеких и близких кремлевских курантов, сжимающим пространство между Москвой и Воронежем до точки.

**А. Немировский,
доктор исторических наук**

Ни для кого не секрет, что статья Немировского вобрала в себя очень многое из рассказов Н. Е. и разговоров с ней. В то время сама она еще не записывала своих воспоминаний — идея, к которой она пришла только в начале 1980-х гг. И надо сказать, что А. И. весьма активно поспособствовал тому, чтобы эта идея реализовалась.

Публикация 1966 года в воронежском журнале была продолжена статьей в воронежской газете в том же году²³, а в ту пору каждое упоминание имени Мандельштама было на виду.

Спустя четверть века, в начале 1990-х гг., А. И. вновь обратился к творчеству О. М. Он написал целую серию статей, посвященных античной и воронежской темам у поэта²⁴. Кроме того, «встреча» с О. М. состоялась и во время его занятий Борисом Зубакиным²⁵.

Наконец, Мандельштаму посвящены и два стихотворения Немировского. Первое — «Прощание с Воронежем» («Гудок. Качнулось здание вокзала...») было написано в 1995 и впервые опубликовано в 2000 году²⁶, а второе — «Отросток миндального корня...» — написано в 2002 и опубликовано в 2003 году²⁷.

²³ А. Немировский. Мандельштам в Воронеже // Молодой коммунар. 1966. 19 авг.

²⁴ А. Немировский. Обращение к античности // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама... Воронеж, 1990. С. 452—465; А. Немировский. Образ и прототип [Н. Е. Штемпель и О. Э. Мандельштам] // Слово и судьба. 1991. С. 222—231; А. Немировский. Путь к Риму // Мандельштамовские дни в Воронеже. Материалы. Воронеж, 1994. С. 64—65; А. Немировский. «От молодых еще воронежских холмов...». Завтра — 104-я годовщина со дня рождения О. Э. Мандельштама / Интервью В. Силина // Коммуна. 1995. 13 янв.; А. Немировский. Поговорим о Риме... // Мандельштам и античность / М., 1995. С. 129—141.

²⁵ Борис Зубакин. Стихи и письма / публ. и примеч А. Немировского // Новый мир. 1992. № 7. С. 96—116; А. Немировский. Новое об О. Мандельштаме [Письма Б. М. Зубакина В. А. Пясту] // Филологические записки (Воронеж). 1994. № 3. С. 159—164. Предисл., публ., комм. (совм. с Л. С. Ильинской).

²⁶ А. Немировский. Избранное. М., 2000. С. 46.

²⁷ Вторая муза историка. Неизданные страницы русской культуры XX столетия / сост. и комм. А. А. Сванидзе. М.: Наука, 2003. С. 310.